

Социальные приоритеты экономического развития: Российский контекст

Размышления над книгой Р.С. Гринберга «Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора» (Магистр ИНФРА-М. М., 2012).

Проблемы обеспечения социальных приоритетов экономического развития давно является одной из ключевых проблем экономической теории и практики. Для России она особенно актуальна. В этом контексте представляется принципиально значимым проанализировать те теоретические идеи и практические рекомендации, которые предлагает Руслан Семенович Гринберг. Его имя хорошо знакомо отечественным и зарубежным исследователям. Тем интереснее и значимее появление его новой книги, в которой сопрягаются едва ли не наиболее сложные вопросы экономической теории – вопросы соотношения справедливости, свободы, эффективности. Эти проблемы дискутируются уже не одно десятилетие (скорее даже – столетие), но остаются актуальными и в новом веке. Более того, именно сейчас, в контексте Мирового экономического кризиса и широко дискутируемого кризиса социального государства они становятся актуальными особо. Мир и наша страна стоят на развилке и ищут альтернативы: либо назад (вперед?) к либеральной модели свободного рынка, где максимизация богатства каждого обособленного экономического актора ведет к благосостоянию общества и автоматическому решению основных социальных проблем, либо к новой модели социально-ориентированного развития в смешанной экономике. Для России с ее прошлым – как советским, так и постсоветским – этот выбор стоит еще более жестко.

Какие же ответы на эти вызовы предлагает Р.С.Гринберг?

Прежде чем обратится к анализу книги, замечу: размышления о будущем социально-ориентированного развития в настоящее время могут смотреться как устаревшие благопожелания – в самом деле, кризис социального государства и ЕС с 2010-2011 годов обсуждаются с завидной регулярностью – если бы не серьезные контраргументы, которые есть у сторонников названной модели.

1. Альтернатива кризису социального государства: рост справедливости как путь к эффективному производству. Новые решения старой дилеммы?

Как же отвечает Р.С.Гринберг на вызовы, с которыми столкнулись концепция и практика социального государства? Автор книги отнюдь не отрицает того, что этот кризис – реальность, а проблема обновления социал-демократической доктрины сугубо актуальна: «С кризисом столкнулась сама концепция социального государства, по некоторым утверждениям это даже можно назвать тупиком»¹. Но кризис социального государства Р.С.Гринбергом рассматривается не как свидетельство тупиковости этой парадигмы, а как – намеренно повторю – вызов и теории, и экономической политике.

Прежде чем продолжить анализ размышлений на эту тему Р.С.Гринберга позволю себе маленькое предисловие. Дело в том, что кризис социального государства – это отнюдь не единственный кризис последних десятилетий. Это часть общего кризиса существовавших в недавнем прошлом и ныне существующих моделей. Советской - я не берусь сейчас её обсуждать. Неолиберальной – ее реализация привела к мировому финансовому и экономическому кризису. В этом контексте едва ли не очевидно, что кризис социал-демократической модели – это часть *кризиса старых «больших парадигм»*.

Не пришло ли время новых проектов?

¹ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 222.

Такие новые решения, создающие социальные, экономические и политические институты, социал-демократии уже приходилось искать и находить, а потом долго и жестко бороться за их последовательную реализацию. И сегодня мы не мыслим мир, без сделанных когда-то смелых шагов, за совершение которых пришлось заплатить немалую цену. Напомню: сто лет назад и для таких стран как Россия, и для таких как Германия, задачи обеспечения восьмичасового рабочего дня и бесплатного среднего образования казались абсолютно нереализуемыми. Лишь меньшинство «романтиков» выставляли эти лозунги, выходили с ними на митинги, организовывали забастовки... Сейчас это стало нормой, но этого не было бы сегодня, если бы сто лет назад не началась борьба за «утопический» проект восьмичасового рабочего дня и всеобщего бесплатного среднего образования.

Ныне вновь пришло время ставить задачи хотя бы столь же масштабных изменений как восьмичасовой рабочий день по сравнению с двенадцатичасовым рабочим днём 100 лет назад. Иначе мы никогда не найдём *нового* решения и кризис левого проекта будет продолжаться.

Продолжу. Традиционная постановка вопроса сторонниками социально-ориентированного развития (она подспудно присутствует и в рецензируемой книге) известна: надо создать условия, в которых рынок сделает так, чтобы большинство людей могло зарабатывать, а социальное государство поддерживать меньшинство – тех, кто не может зарабатывать. При этом желательно, чтобы наименьшее число людей нуждалось в социальной поддержке.

Однако. *Рынок как господствующий механизм производства сам по себе всегда порождает, порождает и будет порождать социальную дифференциацию.* И это одна из аксиом марксизма, с которой не спорит и Р.С.Гринберг. Автор же этих строк предлагает другую постановку вопроса. Если мы действительно хотим, чтобы было как можно меньше тех, кто нуждается в социальной поддержке, то *необходимо определенную часть богатства создавать, производить по иным – нерыночным – «правилам игры», исходя из иных – нерыночных – целевых установок и критериев эффективности.* Этот подход намечен и в книге, но только намечен. Между тем это ключевая проблема, которую должны решить сторонники социально-ориентированного развития экономики.

Парадокс, однако, состоит в том, что поиск новой модели почти все ведут исключительно в рамках того или иного (желательно – нового) сочетания черт уже едва ли не столетие существующих сторон: рынка и социальных ограничений. Спор идет вокруг соотношения либерализма и социальности: одни требуют больше первого, другие – второго. Иными словами, идет поиск изменения количественных пропорций перераспределения созданного богатства, но сам принцип – создавать богатство могут только агенты рынка, а социальная политика может его только перераспределять, в большей или меньшей степени подрывая рыночные стимулы, – остается неизменным.

На наш взгляд пора поставить вопрос иначе: какой может быть система, в которой *справедливость будет стимулом, а не тормозом роста, причем не просто эффективности, а инноваций, обеспечивающих человеческое развитие.* Для этого, естественно, нужны новое качество и новые принципы соединения рынка и капитала – на одном полюсе, социальной справедливости – на другом, для этого надо сделать шаг к экономическому пространству и времени, лежащим «по ту сторону» старой дилеммы: больше справедливости – меньше эффективности, больше эффективности – меньше справедливости.

Я бы это альтернативное решение на принципиальном уровне сформулировал так: *реализация принципа социальной справедливости есть одна из важнейших производительных сил в экономике, где главным источником развития должен стать массовый креативный класс* (учителя, врачи, ученые, инженеры, рекреаторы природы и общества). В самом деле, осуществляемые за общественный счет обучение и воспитание, сохранение здоровья и продление долголетия, разработка общедоступных know how и

инновационных проектов (в качестве примера сошлюсь на предложение Дж. Стиглица создать общественный фонд для разработки и бесплатной передачи всем желающим для производства без платы за патент новых лекарственных препаратов и медицинских технологий) – все это и есть ни что иное, как *производство*, причем производство важнейших ресурсов развития – человеческих качеств и экологической устойчивости.

Р.С.Гринберг отчасти видит эту проблему и не раз подчеркивает: социальный приоритет – это приоритет не распределения и перераспределения, это приоритет производства. Но производства не в стандартном либеральном смысле, где главным измерителем эффективности последнего является прибыль, а производство, осуществляемое исходя из не-рыночных критериев. Последнее, однако, формулировка автора рецензии. Р.С.Гринберг пишет несколько иначе, «мягче»: «...мы должны освободиться от заблуждения, будто социальная политика - всегда лишь распределение благ, созданных всей остальной экономикой. Такой подход преобладал у коммунистов, так и у рыночных волонтаристов: «Давайте сначала накормим народ, а потом займемся образованием, культурой, наукой». Мы ставим вопрос иначе: если не будет культуры, образования, науки, здравоохранения и здорового человека, то не будет ничего, в том числе, экономики»². В любой формулировке, однако, важно, что возможен выход за рамки дилеммы «рынок создает, государство – перераспределяет».

Существенно, что автор рецензируемой книги не просто позитивно позиционирует названный выше императив, но и дает критику неолиберальной идеи об автоматизме роста благосостояния большинства в рамках рыночной модели, где каждый максимизирует свой доход³. В отличие от этих авторов Р.С.Гринберг прямо говорит о том, что *рыночно-капиталистическая система не может решить ряд ключевых задач общественного развития*⁴, а именно, экономически обеспечить каждому гарантированный доступ к получению базовых жизненных благ: здоровья, образования, жилья, минимального дохода. И это важно, ибо не всякий руководитель крупнейшего академического центра делает такие ответственные заявления.

Замечу: проблема *превращения социальной справедливости в стимул инновационного развития* на самом деле не нова и уже имеет определенные и теоретические, и практические решения. Один из примеров (хотя, естественно, не идеальный) – модель социально-ориентированного развития скандинавских стран. Суммируя эти уже известные решения и предлагая некоторое их развитие, сформулируем ряд параметров, которые отличают социально ориентированное развитие, обращаясь к текстам Р.С.Гринберга как важному основанию для поиска названных решений. Каковы же возможные пути обновления искомой модели?

Начнем с того, что можно назвать «хорошо забытым старым». Примерно *половина или больше валового продукта страны* в рамках такой модели должна (1) *создаваться* и перераспределяться *любыми* субъектами, представляющими интересы общества, исходя из (3) *социальных*, а не рыночных критериев и «правил игры». Р.С.Гринберг не идет так далеко в своих интенциях, но и он подчеркивает, что социальные расходы – это не благотворительность, уменьшающая общественное богатство, а инвестиции в развитие

² Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 263.

³ «Либералы считают, что надо помогать богатым, создавая стимулы для инвестиций и роста производства, - а для этого снижать налоги, но тогда уменьшается и база для социальных выплат. Чтобы не возиться с решением э того противоречия, либералы предлагают такую концепцию: рыночное хозяйство, если оно эффективно, так или иначе автоматически решает и социальные вопросы, а потому государство при этом просто не нуждается в прилагательном “социальное”» (Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 223).

⁴ «...социальный характер государства в первую очередь предполагает, что нельзя все отдавать на откуп рыночной экономике. Без социально-политических ограничителей рыночная экономика не в состоянии обеспечить справедливость в обществе» (Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 226).

главной ценности и важнейшего ресурса развития – человека и что эти инвестиции должно делать прежде всего государство⁵.

Как реализовать данную интенцию - это другой вопрос. Он принципиально важен и на него есть ответы. Они лежат в области альтернативной экономики, экономики солидарности, деятельности самоуправляющихся публичных предприятий креатосферы (в частности, в таких сферах как образование, наука, искусство, рекреация природы и общества и т.п.), но этот текст не о них, а о книге Гринберга, где последний сюжет даже не упоминается, а зря. Кстати, замечу, что в последние годы (после финансового и экономического кризиса) принципы альтернативной организации экономической и социальной жизни, даже альтерглобализма, и принципы социально-ориентированного развития стали отчасти сближаться. Только один пример – знаменитый налог Тобина, который десять лет назад воспринимали как ультрарадикальный императив альтерглобалистов, сейчас, со ссылкой на Вили Брандта и т.п., предлагается рассмотреть как одно из программных требований европейской социал-демократии.

Если же говорить о распределении, то хорошо известно, что одним из важнейших элементов социально-ориентированного развития является последовательная ориентация на *перераспределение ресурсов не от активно работающих к паразитическим слоям, а от паразитически потребляющих или использующих средства к тем, кто повышает свой уровень квалификации* (социальные расходы на образование, в том числе – переквалификацию) для того, чтобы более успешно работать, а так же к тем, кто уже или еще не может работать, при вето на использование государственных ресурсов для обогащения частных лиц.

Тем самым на первый план выходит старый вопрос о наличии (ведении) прогрессивного подоходного налога. Об этом атрибуте социальной ориентации и социального государства постоянно и активно говорит Р.С.Гринберг и это его большая заслуга, поскольку и в академических кругах, и в политическом истеблишменте России (за исключением представителей левых партий) об этом принято умалчивать. Между тем прогрессивный подоходный налог – это аксиома социально-ориентированного развития, где *средние* налоги на *доходы* могут быть не выше, чем в рамках либеральной модели. При этом налоги на прибыль, реинвестируемую в социально-, экологически-, гуманитарно-ориентированное производство и личные доходы средних слоев могут быть минимальны, а налоги на доходы бедных будут стремиться к нулю. Налоги же на прибыль от посреднической деятельности, финансовых спекуляций, производства предметов роскоши, равно как и сверхвысокие личные доходы будут максимальны.

Есть известное возражение, в соответствии с которым прогрессия подоходного налога подрывает мотивацию бизнеса. Примечательно, что косвенно полемизируя с этим утверждением, Р.С.Гринберг подчеркивает: хорошего предпринимателя, эффективного менеджера мотивирует не только сверхвысокий денежный доход, но и само по себе творческое содержание его управленческой деятельности, признание («рейтинг») в профессиональной среде. Если же в обществе о качествах предпринимателя судят по успехам его дела, а не по тому, сколь дорогой бриллиант у него в кольце, а человека, который тратит деньги не на развитие управляемого им объекта и социальные цели, а на симулятивное личное потребление, считают достойным сожаления (в самом деле, психологи давно показали, что только весьма примитивный, нравственно убогий и неуверенный в себе человек оценивает самого себя и окружающих по этикетке на подкладке костюма или дороговизне автомобиля), если это становится правилом

⁵ Существенная в этой связи критика автора книги в адрес российских властей: «...в экономическом мировоззрении людей, которые сейчас у власти, похоже мало, что изменилось. Расходы госбюджета на социальную сферу и поддержку науки, культуры, образования и здравоохранения, судя по всему, рассматриваются ими как чисто благотворительные пожертвования, а не как эффективные инвестиции в цивилизованное будущее страны» (Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 403).

нравственной и культурной жизни общества, то дестимулирующее влияние прогрессивного налога на личные доходы предпринимателя, а не рантье, минимально. Поэтому *прогрессивный подоходный налог мало затронет стимулы предпринимателя-творца, новатора.* Он вызовет отрицательную реакцию не тех, кто хорошо работает, а посредников, которые паразитируют на рыночной конъюнктуре, инсайдеров, которые паразитируют на корпоративных доходах, рантье, «звезд» масс-культуры и профессионального спорта, которые паразитируют на искусственно созданных символах шоу-бизнеса, и т.п. социальных групп, снижение престижа и активности которых станет тормозом для производства разве что симулякров, но никак не подлинных материальных и культурных ценностей.

Еще одно возражение касается того, что высокий налог предприниматели не будут платить. Но здесь проблема не в величине налога, а в *социальной атмосфере в стране.* Хорошо известно, что, например, российские олигархи и просто крупные бизнесмены, которые не хотят платить полностью 13-ти процентный налог в России, с радостью уезжают в Европу, где платят свои 40-50 процентов и ещё борются за право стать гражданами этих стран и получить возможность платить эти высокие налоги.

Продолжим наши размышления. В условиях социально-ориентированного развития дифференциация доходов не просто ограничивается в своих масштабах, она начинается с уровня, *выше* прожиточного, ибо она не должна приводить к ущемлению базовых социальных и экономических прав личности.

Сторонникам этого принципа часто возражают: социальное государство – это большой слой паразитов: пенсионеров, безработных и т.п., которых содержит государство за счет тех, кто трудится. В этом возражении есть толика истины. Но только толика. Новая модель социально-ориентированного развития может изменить эту ситуацию.

Во-первых, потому, что источником этих выплат будет не столько заработная плата работников, сколько названные выше преимущественно не производительные ресурсы.

Во-вторых, *те, кто получает социальные выплаты* (безработные и т.д.), *могут* (для уже и еще не трудоспособных) *или должны* (для трудоспособных) *работать* на общество. Для тех трудоспособных граждан, кто не может найти для себя работу на рынке труда, обязательным условием получения пособия может стать участие в той или иной форме *производства общественных благ*, переквалификация и/или повышение квалификации.

Подчеркну: есть масса сфер, где могут создаваться общественно-полезные блага, а количество рабочих мест, которые могут создаваться за счет средств, ныне идущих на пособия по безработице, неограниченно велико. Это здравоохранение (где нужно неограниченно большое количество нянечек и сиделок), образование (для интеллектуалов условием получения пособия могут быть бесплатные дистанционные консультации для школьников, студентов, пенсионеров, всех желающих расширить свои знания, повысить культурный уровень...), рекреация природы и общества (деятельность в качестве творца красивой среды – своего рода «садовника XXI века» – в городе или лесника – в заповеднике, организатора различных форм социализации для «низов» общества или своего рода «тимуровца»...), производство общедоступной информации (например, оцифровка библиотечных фондов) и мн.др.

Во всех этих случаях социальный *паразитизм безработных сменяется работой на общество*, производством человеческих качеств (в случае повышения квалификации и/или переквалификации), созданием не симулятивных, а действительно необходимых для развития производства и культуры ценностей, причем за счет тех же самых средств, которые в рамках прежней модели расходовались на выплаты безработным. В некотором смысле это можно считать аналогом «общественных работ», но разница принципиальна. В рассматриваемом нами проекте временно незанятые работники приглашаются к труду в кретосфере, где им предлагают повышение квалификации и престижный творческий труд

(воспитателя, садовника...), в случае же прежнего опыта «общественных работ» безработных направляли в сферы с тяжелым ручным трудом.

Социальная и идейно-нравственная мотивация со стороны государства и гражданского общества вполне может подвигнуть и значительную часть пенсионеров, а так же не работающей молодежи к бесплатному выполнению многих важнейших функций по рекреации природы и общества, развитию культурных и образовательных процессов. Инициирование и организация этой массовой бесплатной деятельности молодежи и старшего поколения могут взять на себя институты гражданского общества, что существенно снимет нагрузку на государственный бюджет, не снижая объема социальной деятельности.

«Формула» предлагаемого альтернативного проекта проста: *максимально-возможный и все расширяющийся объем деятельности по оказанию социальных, гуманитарных, экологических и т.п. услуг должен осуществляться на основе добровольной бесплатной деятельности, проводимой при помощи институтов гражданского общества.* Это позволит либо резко расширять объем оплачиваемых государством услуг (в условиях успешного развития, когда бюджет велик и растет), либо не допускать дефицита государственного бюджета при сохранении прежнего объема социальных услуг (в случаях кризисов и других потрясений). Если у государства в условиях кризиса денег становится меньше, то необходимо (1) резко снижать не-социальные расходы, и (2) в случаях, когда нет денег на проведение в прежнем объеме работ в социальной сфере, можно и должно инициировать осуществление этой деятельности бесплатно, но не снижать объем социальных услуг.

Наконец, названный выше принцип предполагает, что *общественно-государственные ресурсы, как я уже отметил, не могут использоваться для обогащения частных лиц или компенсации их потерь от неудачной игры на рынке.* Таковы лишь некоторые из широкого спектра возможных путей «перпендикулярного» решения дилеммы «или снижение государственных социальных расходов, или рост долгов». К сожалению, Р.С.Гринберг в своей книге не заостряет внимание ни на названной выше дилемме, ни на поиске новых путей решения этой, едва ли главной в настоящее время, проблемы.

То же самое можно сказать и о проблеме снятия парламентской модели демократии более современными формами, о чем в данной книге так же сказано совсем не много и мельком. А это ключевой вопрос...

2. Рост социальной справедливости как путь к свободе и демократии

В рамках первого сюжета рецензии я уже отметил, что альтернативой бюрократии и коррупции может быть не свободная конкуренция, а прогресс базисной демократии и социально-экономической активности гражданского общества, снимающей провалы и рынка, и государства.

Рассмотрим этот вопрос подробнее, ибо здесь ключ к проблеме экономической свободы и эффективности в их соотношении с социальной справедливостью. В самом деле, если мы исходим из того, что свобода есть исключительно неограниченная государством возможность частного собственника вести любую деятельность, не нарушающую аналогичных прав остальных субъектов (а такое понимание свободы есть один из краеугольных пунктов экономического либерализма и его, «как бы», не акцентируя, разделяет и Р.С.Гринберг), то социальная справедливость будет ничем иным, как ограничением этой свободы. Соответственно, останется и дилемма: «или свобода – или справедливость». Р.С.Гринберг в большинстве случаев неявно принимает эту постановку проблемы, хотя и в несколько смягченном (как и положено социал-демократу) виде: «чем больше социального регулирования, тем меньше экономической свободы». Тем самым весь вопрос сводится к поиску некоторой «золотой середины».

Я категорически не согласен с такой постановкой вопроса.

Во-первых, частная собственность есть средство не столько освобождения, сколько подчинения индивида. Даже если оставить в стороне многие миллиарды тех жителей планеты Земля, которые владеют только одной собственностью – на свою рабочую силу, и рассмотреть класс частных собственников капитала, то окажется, что *владеющий капиталом индивид подчинен объекту своей собственности*. Перед ним стоит дилемма: либо собственник делает то, что оказывается выгодным на рынке и приносит прибыль, либо он в скором времени перестанет быть капиталистом (в лучшем случае став рантье, в худшем – разорившись). В результате в мире приоритетными темпами развиваются финансовые спекуляции, масс-культура и производство предметов роскоши, а добровольные пожертвования частных собственников на поддержку науки, искусства, образования, на решение экологических и социальных проблем составляют едва ли сотые доли от частных вложений в спекулятивные фонды, оффшорные зоны и предметы роскоши. (Замечу в скобках: в этом смысле, частные собственники капитала достойны разве что жалости, и именно эти чувства я испытывал ко всем тем, кто, мечтая заниматься наукой, по 12-14 часов в день без выходных занимался бизнесом, и даже свободное время вынужден был проводить с «полезными людьми», вырывая на любимое дело крохи времени, постоянно при этом отвлекаясь на деловые звонки во время научных диалогов...; в этом контексте очевидна неслучайность широкого распространения в современном мире феномена *downshifting*'а).

Во-вторых, уже во времена французских революций, Гегеля и Маркса было хорошо известно, что кроме негативной свободы («свободы *от*»), существует и позитивная свобода («свобода *для*»). Свобода от внеэкономического принуждения (не только рабства и крепостничества, но и политической диктатуры и власти бюрократии) при таком подходе становится абсолютно необходимым, но всего лишь первым шагом к позитивной свободе как ассоциированному социальному творчеству новых общественных отношений и институтов. Это не просто свобода в рамках правил, но и свобода создавать правила, менять их в интересах общества при помощи не только демократического государства, но и низовой демократии, самоуправления, сетевого горизонтальной диалога.

Уходя в академической рецензии от политико-идеологических дебатов о социализме и коммунизме, упомяну лишь несколько примеров такого социального творчества, близких к политэкономической проблематике. Это и относительно «старые» феномены (такие как деятельность экологических и иных социальных движений, «экономика солидарности» и т.п.), и новые, растущие с удивительной скоростью и размахом примеры (*wikinomics*, *open source*, *coru left* и мн.др).

Во всех этих случаях ограничение рынка и частной собственности есть рост свободы социально-экономической деятельности свободных граждан.

Сказанное позволяет автору этих строк утверждать, что в рамках нового проекта социально-ориентированного развития *главным субъектом социального регулирования должно становиться гражданское общество, постепенно беря на себя все больше функций государства* и тем самым снимая ставшие в последние десятилетия особо заметными провалы последнего. Надо отдать должное Р.С.Гринбергу: последний сюжет (правда в существенно ином, чем у автора этих строк, виде) присутствует в его книге, где подчеркивается, что развитие демократии и рост социального регулирования – не альтернативные, а взаимодополняющие интенции. В книге не раз и не два подчеркивается, что ценности свободы, демократии и социальной справедливости в основе своей едины⁶.

⁶ Так, суммируя размышления великих ученых прошлого, Р.С.Гринберг замечает: «Бросаются в глаза, во-первых, устойчивость идеи социальной справедливости во всех основных философских учениях, а во-вторых, настойчиво устанавливаемая всюду связь справедливости с представлениями о демократии и свободе» (Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 219-220).

Если же мы исходим из того, что *провалы государства следует снимать путем развития не столько рыночной конкуренции, сколько сознательного регулирования, осуществляемого институтами гражданского общества* (замечу: Р.С.Гринберг сформулировал бы эту дилемму иначе: «не только конкуренция, но и базисная демократия»), то и экономическая политика должна строиться соответствующим образом. В частности, доля расходов в бюджете на социальные нужды должна быть существенно выше, чем в либеральных системах, а доля расходов на содержание госаппарата и силовых структур существенно ниже. Этот императив хорошо известен, но от этого не менее важен. Подчеркну лишь один «нюанс»: вопрос именно в *доле*. Последнее особенно важно для России, потому что у нас, как справедливо подчеркивает Р.С.Гринберг, не просто малы расходы на социальные нужды: у нас их *доля* намного ниже, чем в США, не говоря уже про Европу. Здесь присутствует некоторая важная тенденция, если не закономерность: чем выше степень социализации государства, *чем активнее его социально-регулирующая деятельность, тем меньше число государственных чиновников* (я имею в виду аппарат управления и насилия, вынося за скобки таких государственных служащих как учителя, социальные работники и т.п.) *и расходы на их содержание* (на душу населения, естественно), *а так же ниже уровень коррупции*.

Один из важнейших аспектов этой проблемы - *максимально возможное элиминирование влияния капитала и, в частности, денег на политику при неуклонном повышении политической роли социальных движений и неправительственных организаций и сокращении роли собственно государственных структур и профессиональных политиков*. Здесь ключевой проблемой является последовательно сокращение влияния на политический процесс таких феноменов как политическое и идеологическое манипулирование, шире – политическое производство. Не секрет, что в основе последних лежат так называемые политические технологии, суть которых состоит в производстве некоторого особого товара (голосов, отданных за ту или иную партию, кандидата) из некоторого сырья (электората) при помощи задействования значительных капиталов, власти корпоративных структур (масс-медийных, но не только) и деятельности профессионалов политтехнологов. Все это механизмы, подрывающие демократию, краеугольным камнем которой является процесс суверенного волеизъявления индивидом как полноправным политическим субъектом. Превращение его в пассивный объект манипулирования и вытеснение демократического соперничества конкуренцией политических корпоративно-капиталистических структур есть подрыв основ гражданских прав человека. Вот почему политическое обеспечение социально-ориентированного развития предполагает как минимум последовательное вытеснение политического капиталистического производства и *развитие «демократии корней травы», самоорганизации граждан и самоуправления*. Приоритет последних может и должен стать обязательной политической предпосылкой социально-ориентированного развития.

К сожалению и этот важнейший вопрос обновления социал-демократического проекта остался по сути дела вне поля зрения автора рецензируемой книги.

За пределами книги остался и еще один важнейший приоритет социально-ориентированного развития, о котором последнее время особенно много говорится на Западе (но, к сожалению, не в России) – жесткие экологические приоритеты. Этот принцип я специально комментировать не буду, ибо этот вопрос выходит далеко за пределы компетенции автора, однако замечу, что и здесь возможна несколько нестандартная постановка проблемы, когда главный акцент будет сделан не на защиту окружающей среды от последствий экономического роста, ориентированного на стандарты «общества потребления», а на проблему *поиска альтернатив существующей технологической и социально-экономической системе как принципиально а-экологичной*. В этом случае мы можем перейти (а некоторые системы уже начинают переходить) от использования экологических ограничений к использованию программ экологически-

ориентированного развития в сферах технологий, экономики, социальной организации, политики и т.п.

Наконец, о том, с чего следовало бы начать размышления о проекте социально-ориентированного развития, но чем я, как экономист, закончу этот раздел рецензии: о приоритете подлинной культуры – культуры, обеспечивающей гармоничное развитие личности, культуры как со-творчества, а не масс-культуры, выполняющей роль своеобразного духовного наркотика. Этот акцент Р.С.Гринберг проводит последовательно. Более того, социальные ценности в книге справедливо рассматриваются как неотъемлемая часть стратегии, ориентированной на культурные и духовные приоритеты. «Каким же образом задействовать социокультурные механизмы, способные противостоять деструктированным процессам в обществе?» - задает вопрос Р.С.Гринберг. И отвечает: «Единственно верное решение проблемы заключается в ...насуточной необходимости культурного просвещения, причем не столько ради приобщения к культурным ценностям широких слоев населения ... сколько в целях предотвращения дегуманизации общества, нивелирования духовного начала в жизни людей»⁷. Не могу так же не заметить в этой связи, что в книге проблема реализации императива подлинного гуманизма справедливо увязывается с теоретическим наследием К.Маркса: «Классики марксизма, - подчеркивает Р.С.Гринберг, - определяли коммунизм как "реальный гуманизм"»⁸.

3. Глобальный контекст: мировой кризис может стать стимулом интеграции России с ЕС и поиска альтернатив «Вашингтонскому консенсусу»

В качестве едва ли не самого мощного возражения против выбора стратегии социально-ориентированного развития сегодня выдвигается тезис о том, что оно проигрышно в условиях глобализации, а глобализация – это объективный процесс и его не остановишь.

Спору нет. Технологическая и культурная интеграция, рост взаимозависимости экономик – это объективный процесс. Но кто доказал, что единственно возможной социально-экономической и политической формой этого процесса является модель т.н. «Вашингтонского консенсуса»? Почему для интеграции не могут быть приняты другие «правила игры»?

Этот вопрос стал особенно актуальным в контексте Всемирного экономического кризиса, начавшегося в 2008 году. Для большинства экономистов этот кризис оказался неожиданным, но с точки зрения автора книги это нормально. По мнению Р.С.Гринберга «...люди, которые думают, что им известно будущее, должны сидеть в сумасшедшем доме»⁹. Я позволю себе и согласиться и не согласиться с этим мнением. Да, экономист-теоретик далеко не всегда может дать однозначный прогноз будущего и это закономерность: в ретроспективе нескольких лет или даже десятилетия конкретный вид реализации объективных социально-экономических процессов в рыночной экономике существенно зависит от случайных, субъективных воздействий. Однако экономист-теоретик может, опираясь на исследование этих объективных процессов сказать, что такие-то из них могут привести к мировому кризису, не гадая при этом, в каком конкретно году и в каком месяце это произойдет. Именно это и сделали в начале 2000-х годов автор этих строк и его коллеги.

Другое дело, что практики капиталистического бизнеса и, в первую очередь, крупные игроки в «казино-капитализме» (характеристика рыночной экономики, данная еще Кейнсом) заинтересованы в иных прогнозах: однозначных кратко- и среднесрочных

⁷ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 33.

⁸ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 219.

⁹ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 339.

прогнозах конъюнктуры. О таком будущем точно что-то сказать, действительно, затруднительно и в этом смысле с Р.С.Гринбергом можно согласиться.

Возвращаясь к проблеме кризиса, замечу: автор рецензируемой книги, развивая свои идеи в русле мировой социал-демократической теории, справедливо связывает причины кризиса с тройкими процессами. Во-первых, с тем, что экономико-политические элиты США и других развитых стран долгое время проводили курс на свертывание государственного регулирования и дерегулирование экономики, проводя неолиберальную экономическую политику. Во-вторых, с тем, что приоритетное развитие в этих условиях получили не просто финансовые, но спекулятивные процессы. В-третьих, с тем, что тесно сращенная с истеблишментом экономическая теория мейнстрима упорно настаивала на том, что модель экономической политики начала 2000-х гарантирует финансово-экономическую стабильность. В этой связи нельзя не оценить положительно корректную, но решительную критику со стороны Р.С.Гринберга в адрес монопольного положения неоклассической экономической теории.

В этом контексте неслучаен вывод автора книги, что выход из кризиса должен быть ориентирован на переход к *обновленному* левому проекту. В рамках такого проекта будущее России Р.С.Гринбергу опять же закономерно видится в ориентации на сближение с Европейским Союзом и ориентацию на характерные для входящих в него стран принципы экономического развития. Именно здесь, по мнению автора книги, мы можем найти новые импульсы для модернизации российской экономики: «Применительно к отношениям России со странами – членами ЕС и Европейским союзом в целом все это заставляет думать, что ничего не может быть эффективнее, чем объединение усилий для совместного поиска выхода из экономических и политических проблем, с которыми сталкиваются обе стороны»¹⁰.

И хотя вошедшие в рецензируемую книгу тексты писались до того, как кризис еврозоны приобрел столь глубокий характер, что дал основания для дискуссий о крахе проекта в целом, автор этих строк уверен, что кризис ЕС свидетельствует не о тупиковости социал-демократического проекта, а о необходимости его радикального обновления. В этой связи я бы пошел дальше того, что предлагает Р.С.Гринберг, пишущий все больше о *воспроизведении* в России европейской модели. Я бы сказал о необходимости *движения вперед* и для Европы, и для нас с тем, чтобы ориентироваться не на вчерашний, а на завтрашний день мирового социального проекта. Это тем более важно, что элиты ЕС в будущем могут пойти не вперед, а назад (если говорить о шкале социально-ориентированного развития). Между тем в мире *давно назрел вопрос об эко-социо-гуманитарном консенсусе как альтернативе Вашингтонскому консенсусу*.

Новый консенсус – это новые цели, правила игры и ограничения для мирового партнерства: если у вас в стране нет прогрессивного подоходного налога, если гражданское общество не имеет приоритетных прав по отношению к ТНК, если у вас нет развитого социального партнерства, а бизнес не является по преимуществу социально ответственным, если минимальная зарплата и социально-гарантированный минимум у вас ниже прожиточного минимума, если у вас образование и здравоохранение не общедоступны, а недра и природные богатства не принадлежат гражданам, если у вас нет жестких экологических, гуманитарных и социальных нормативов, – если всего этого нет, то ваша страна (корпорация) должна быть исключена из круга глобальных игроков и по отношению к ней следует применить экономическую и политическую блокаду или хотя бы идейно-культурный прессинг.

Если это будет четко прописано хотя бы на уровне теоретически-обоснованного императива, хотя бы так, как сто лет назад теоретики социал-демократии обосновали императив восьмичасового рабочего дня и бесплатного среднего образования для всех, то это будет, на мой взгляд, большой шаг вперед.

¹⁰ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 315.

Безусловно, сегодня и мир, и Россия далеки от реализации такого императива. Более того, к сожалению, историческое время может идти не только вперед, но и назад, а творцы экономической политики могут проводить курс, который потом будет оценен как регресс, причем продолжаться это может не год и не два. Так что сегодняшняя локальная практика далеко не всегда может быть критерием истины (в самом деле, не будем же мы утверждать, что ГУЛАГи полезны для экономического развития только на том основании, что в этот период в СССР были высокие темпы роста и прогрессирующее влияние на мировые процессы).

Сказанное позволяет нам перейти к оценке Р.С.Гринбергом российских реалий.

4. Уроки российских трансформаций: переход к свободному рынку может породить асоциальный тип инволюции, рост бюрократизма и процветание коррупции. Каковы альтернативы?

В качестве вступления к этому разделу рецензии я хочу использовать слова Р.С.Гринберга, которыми он по сути дела открывает дискуссии о России: «Если в начале прошлого столетия страна сделала ставку на достижение идеала справедливости, пренебрегая свободой, то за десять лет до его окончания элита новоиспеченной постсоветской России бросилась в другую крайность – абсолютизацию свободы при полном забвении справедливости... В результате мы практикуем два варианта жизнеустройства: либо произвол власти, либо власть произвола... Разве что-то подобное не происходит ныне в стране после, а точнее, вследствие ельцинской полуанархии?»¹¹.

Уже это вступление дает понять, что автор книги о справедливости и свободе не скрывал и не скрывает своего конструктивно-критического отношения к результатам радикальных рыночных реформ в постсоветской России. Но это отношение сугубо отлично от популистского, растущего из ностальгии по СССР, критиканства иных общественных деятелей и публицистов. Это взвешенная и аргументированная позиция ученого, с которой трудно не согласиться.

Безусловно, Р.С.Гринберг не одинок: профессиональная критика «шоковой терапии» имеет давнюю и серьезную историю. Однако в рецензируемой работе она имеет свои специфические и важные акценты.

Автор подчеркивает противоречивость прежней – советской – общественной системы. С одной стороны, он прямо заявляет, что «социалистический лагерь был тюрьмой»¹² и это публицистически-заостренное (я не думаю, что проживший десятилетия в Советском Союзе чл.-корр. Р.С.Гринберг чувствовал себя все это время заключенным в буквальном смысле слова) заявление из его газетного интервью достаточно точно отражает взгляд ученого на социально-политический строй СССР. В то же время Р.С.Гринберг пишет: «И все же советское государство добилось немало в сфере социальной поддержки населения: в системе социальной помощи, в социальном страховании рабочих, создании условий для труда и отдыха – это была воистину гигантская, широко развернутая система санаториев, профилакториев, пионерских лагерей и т.д., где отдых частично или полностью оплачивался государством»¹³.

Более того, автор книги формулирует характерный для нашей страны парадокс, на котором я хотел бы заострить внимание (он столь же очевиден, сколь и редко упоминаем): «...в XX в. в стране было создано что-то похожее на социальное государство – и это в нерыночных условиях и при отсутствии демократии. А когда в Россию вернулось

¹¹ Гриндберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 9 - 10.

¹² С. 392

¹³ Гриндберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 222.

рыночное хозяйствование и начались попытки демократизации общества, мы получили асоциальное государство»¹⁴.

Не могу не заметить в этой связи, что Р.С.Гринберг в данной книге не слишком активно развивает эту тему и ответа на вопрос о причинах названного выше парадокса прямо не дает. Между тем это не просто история: это очень важный вызов современности. И ответ на этот вызов имеется: сущность СССР – и об этом автор рецензии и его коллеги писали не раз¹⁵ – это противоречие первого опыта продвижения к более социальной, нежели капитализм (даже поздний), экономической системе, осуществлявшийся (вот он, контрапункт!) на базе слабо развитых (даже по капиталистическим меркам) технологий и культуры и (не будем это сбрасывать со счетов) во враждебном геополитическом и геоэкономическом окружении. Результатом этого противоречия стала система мутантного социализма, который в условиях дефицита высокой производительности труда и преимуществ международной кооперации обеспечивал социальные приоритеты антагонистичными им бюрократическими, авторитарными методами.

В этом противоречии ключ к пониманию и кризиса советской системы, и асоциальности постсоветских трансформаций. Последняя стала результатом стратегии тех политико-экономических сил, которые не только способствовали краху СССР, но и получили в его результате экономико-политическую власть. Эти силы не анализируются Р.С.Гринбергом в данной его работе, но они хорошо известны: активную роль в этих «реформах» играли новая генерация номенклатуры, стремившаяся в соответствие с предсказаниями критиков сталинизма еще 1920-х гг. (в частности, Л.Троцкого) обменять власть на собственность, сформировавшийся в недрах разлагавшейся советской системы полукриминальный (по своему генезису и типу активности, а не только формальному статусу) бизнес и искренне (хотя и несколько наивно) алкавшая демократии и рынка часть интеллигенции, надеявшаяся к тому же получить немалый выигрыш от своего профессионализма в условиях капитализма. Пассивную, но от этого не менее важную, роль в этой трансформации сыграл и сформировавшийся к концу 1980-х годов советский «рядовой» обыватель, зажатый на протяжении последних десятилетий существования СССР в тисках противоречия между интенциями «гулящ-социализма» и экономики дефицита.

К сожалению, эту материю Р.С.Гринберг практически не рассматривает в своей книге, уделяя больше внимания фигуре Горбачева и его роли в процессах трансформации СССР. Между тем анализ социально-экономических основ распада СССР является важным слагаемым для обоснования выводов, касающихся сути постсоветских «реформ» – выводов, которые содержатся в книге Р.С.Гринберга и с которыми нельзя не согласиться.

Эти выводы касаются, прежде всего, не раз упоминаемого акцента на том, что асоциальные реформы и кризис 1990-х стали в нашей стране не столько объективно-неизбежным, сколько рукотворным феноменом¹⁶. Не менее жестки и оценки Р.С.Гринбергом последующего десятилетия: «...мне доводилось многократно, в том числе, на страницах “Российского экономического журнала”, акцентировать действительно главный урок пресловутых тучных для России лет (дежурно характеризуемых в “Программе...” в качестве десятилетия непрерывного экономического роста): федеральные власти не использовали исключительно благоприятную

¹⁴ Гриндберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 224.

¹⁵ См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала. М., 2009

¹⁶ «... разочаровывающие итоги системной трансформации по преимуществу рукотворным и только во вторую очередь предопределены специфическими неблагоприятными стартовыми условиями». (Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 15).

мирохозяйственную конъюнктуру, когда имелась возможность направлять нефтегазовые средства на модернизацию экономики....»¹⁷.

Есть ли альтернативы этим стратегически и тактически неэффективным решениям?

Отвечая на этот вопрос автор рецензируемой книги обращается, в частности, к итогам Первого российского экономического конгресса. Суммируя его непростые и многообразные аспекты Р.С.Гринберг приходит к выводу, что «зона согласия уже вырисовывается. Например, уже почти никто не оспаривает необходимость структурной политики в стране»¹⁸. На мой взгляд, этот вывод все же чрезмерно оптимистичен: сторонникам активной индустриальной политики еще рано праздновать окончательную победу в споре со сторонниками минимального государственного вмешательства в экономику. Однако сам по себе акцент на необходимости структурной политики, селективного регулирования и стратегического планирования теоретически верен. Не менее правомерно и то, что ресурсы сырьевого сектора в российской экономике должны целенаправленно использоваться для стратегических прорывов в области инноваций¹⁹, равно как и то, что государство должно задавать коридоры роста²⁰.

Но вот вопрос: почему эти, признаваемые едва ли большинством ученых и экспертов, интенции остаются в России по преимуществу благопожеланиями?

Р.С.Гринберг не акцентирует этот вопрос, хотя отсылки к проблемам бюрократизма и коррупции в работе есть, и мы к этой теме еще вернемся ниже. Однако, на мой взгляд, проблема глубже. В России в настоящее время сложилась такая система производственных отношений и оформляющих их институтов, равно как и соответствующих им форм экономической и политической власти, которая с неизбежностью генерирует и устойчиво воспроизводит вполне определенный тип эволюции: экстенсивная модель воспроизводства, отторжение инноваций в большинстве секторов экономики, асоциальность и т.п. Характеристику этой системы отношений, институтов, власти автор этих строк уже не раз давал в своих работах, подчеркивая, что для нее характерна система координации, в которой слабо развитая рыночная конкуренция дополняется сильно развитым локальным монопольным регулированием экономики со стороны крупнейших олигархических групп, а слабое легальное государственное регулирование – сильным теневым; что в основе этого лежит определенный тип отношений и прав собственности, когда большая часть названных правомочий легально и нелегально контролируется частными и государственными «инсайдерами», паразитирующими на работниках, государственных ресурсах и миноритарных акционерах, и присваивающих не только прибыль, но и многочисленные виды ренты (природной, административной и т.д.); что следствием этого становится чрезмерный уровень социальной дифференциации, что неизбежно усугубляет атмосферу недоверия... Что же касается бюрократизма и коррупции, то это не более чем надводная часть айсберга российского «капитализма юрского периода»²¹.

¹⁷ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 255.

¹⁸ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 175.

¹⁹ «...Россия имеет шанс выстоять в глобальной конкуренции, лишь одновременно развивая два укрупненных, интегральных приоритетных направления, связанных с новой, или инновационной, экономикой, с одной стороны, и старой, сырьевой экономикой – с другой. Пропорции между ними должны целенаправленно регулироваться исходя из долгосрочных национальных интересов» (Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 146).

²⁰ «Роль государства в проведении структурной политики заключается не в управлении конкретными предприятиями или их опеке, а в разработке приоритетов и коридоров роста для формирования долговременной политики, ориентированной на достижение устойчивого развития на основе обеспечения продовольственной, энергетической и экономической безопасности страны» (Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 147).

²¹ Развернутая картина этих отношений была дана нами еще 10 лет назад и, к сожалению, она до сих пор не устарела (См.: Бузгалин А.В., Колганов А.И. Теория социально-экономических трансформаций. М., 2003)

Впрочем, последний аспект все же отнюдь не следует сбрасывать со счетов.

В этой связи весьма важен акцент, который Р.С.Гринберг делает в проблеме соотношения бюрократии, коррупции и рынка. В отличие от считающегося едва ли не аксиоматическим представления о том, что свободный рынок есть универсальное лекарство от коррупции, автор рецензируемой книги предлагает принципиально иное решение: альтернативы истории, по мнению ученого, указывают на *возможность преодоления коррупции и бюрократии путем не сокращения экономических функций государства, а развития социальной демократии*²².

Рассмотрим эту принципиально важную связь подробнее.

Исходный пункт этих размышлений – вполне справедливая посылка, что решение проблем коррупции упирается в проблемы бюрократии: «Решение проблемы бюрократизации автоматически поведет за собой решение проблемы коррупции»²³.

Далее следует еще одно, очень важное размышление по поводу судеб «реформ» в России, где «почему-то» слом планово-бюрократического управления и рыночные реформы вызывали не сокращение, а рост бюрократии и коррупции. Этот локальный опыт можно было бы отнести к загадкам «русской души», если бы не мировая статистика, показывающая, что мера бюрократизации экономики и развития коррупции в Скандинавских странах существенно ниже, чем, например, в США. И это при том, что государство в Швеции или Финляндии перераспределяет более 50% ВВП, а в США только 1/3.

При одномерной трактовке этих фактов может показаться, что в экономике действует связь, противоположная либеральным «аксиомам», а именно: чем больше роль государства, тем меньше мера бюрократизма и коррупции. Однако мир не линеен. И связь в данном случае, скорее, иная: чем выше мера развития гражданского общества и транспарентность общественно-политической и социально-экономических систем, тем меньше бюрократизм и коррупция. Сами по себе рыночные реформы в данном случае ничего не решают, ибо могут проводиться и в атмосфере авторитаризма и/или правового произвола. Более того, достаточно устойчивой является обратная рыночным постулатам зависимость: мера развития гражданского общества и социальная активность граждан тем выше, чем выше уровень благосостояния, образования, социальной стабильности подавляющего большинства членов общества, чем ниже уровень социальной дифференциации (естественно, в пределах, не нарушающих трудовой и креативной мотивации).

Следовательно, путем к решению проблем преодоления бюрократизма и коррупции является не просто демократия, но демократия социальная. Этот вывод не раз педантирует в своей книге Р.С.Гринберг и с этим выводом нельзя не согласиться. Другое дело, что автор этих строк в своих размышлениях склонен идти дальше, не останавливаясь на социал-демократических решениях, но это уже иной вопрос.

* * *

В заключение я хочу еще раз вернуться к дилемме опережающего, инновационного развития и социальной справедливости – центральной проблеме всех текстов, включенных Р.С.Гринбергом в свою книгу.

Суммируя, подчеркну: старая дилемма – или рыночная эффективность, или социальная справедливость – может решаться не путем нахождения компромисса между

²² «У истории нет сослагательного наклонения, но всегда есть альтернативы. Практическое заключение из сказанного для России очевидно: укреплять государство, не жертвуя демократическими ценностями. Звучит почти как банальность. Но как точно заметил Ницше, дороже всего нам приходится платить за пренебрежение банальностями. Добавлю только, что так же дорого нам обходятся невыученные уроки» (Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 30).

²³ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С. 32.

двумя сторонами противоречия, а путем его снятия, путем *превращения справедливости в принцип и источник развития*. Стратегическая цель развития сегодня – это не максимизация прибыли корпорациями. Последнее – одно из возможных и не всегда эффективных средств обеспечения современного типа прогресса. Эффективность в узком смысле слова, т.е. понимаемая как рыночная эффективность, сейчас уже не так важна. Если мы достигаем высокой прибыли за счёт грязного производства на основе ручного труда и 60-часовой рабочей недели, то для общества такая «эффективность» вредна. Это вредный, хотя и эффективный с рыночной точки зрения путь *инволюции*, а не развития. И это не социально, а *экономически* вредный путь.

Если же мы ставим вопрос о соотношении *инновационного развития, обеспечивающего максимальный прогресс человеческих качеств*, как одного полюса противоречия, и *социальной справедливости, понимаемой не как уравниловка, а как гарантированное удовлетворение витальных жизненных потребностей каждого при равном стартовом уровне и распределении благ свыше гарантированного минимума на основе социального эффекта от деятельности индивида*, – как второго, то мы получаем существенно иную картину.

При такой постановке вопроса оказывается, что *такая социальная справедливость* есть эффективный путь формирования высококачественного, креативного работника, который единственно способен обеспечивать прорывное технологическое развитие, создавать новые экономические, социальные и политические институты, преодолевающие провалы и рынка, и государства, формировать систему образования, нацеленную на развитие креативности, а не только функционального профессионализма.

То, что это прогрессивно с социально-гуманитарной точки зрения, очевидно. Существенно однако и то, что даже *чисто рыночный эффект в этом случае достигается и высокий*.

Во-первых, дорогой высококвалифицированный и, главное, креативный работник притягателен для современных стратегических инвесторов, т.е. тех, кто намерен создать бизнес на десятилетия, а не вывезти капитал в оффшорную зону в рамках модели *grab-capitalism*'а.

Традиционно нам возражают: если в стране будут высокие социальные стандарты, а рабочая сила – дорогой, то капитал от вас уйдёт. Но *в инновационной экономике капитал, напротив, стремится туда, где есть креативный и, следовательно, дорогой и социально защищенный работник*. Для того, чтобы создавать и внедрять, скажем, нанотехнологии нужен человек, который долго живёт, имеет 16-18-ти летнее образование, который постоянно повышает квалификацию, социально стабилен и даже выйдя на пенсию продолжает творчески развиваться и приносить пользу обществу, ибо эта пенсия достаточна для сохранения достойного уровня жизни (типичный пример – работающий бесплатно над научными проблемами западный «профессор эмеритус»). Иной работник на это не способен. А для того, чтобы работник был таким и это был массовый слой работников, необходимо общедоступное высшее образование; надо, чтобы люди жили 80-85 лет, а это требует общедоступной системы здравоохранения и так далее.

Иными словами, социально-справедливое развитие даже с прагматической точки зрения выгодно в инновационной экономике. Неслучайно поэтому Финляндия – страна с очень развитой социальной системой (упомяну хотя бы то, что там все школьное и подавляющая часть высшего образования государственные и общедоступные) – находится на первом месте в мире по инновационному развитию.

Во-вторых, важнейший компонент долгосрочного инновационного развития – общественно-государственные программы.

В-третьих, социально-ориентированное развитие доступно не только для богатых, но и для бедных стран. Доля (я подчеркиваю – *доля*) расходов на социальные нужды в сравнении с долей расходов на содержание аппарата власти и насилия, мера социальной дифференциации, наличие или отсутствие программируемого развития – все это дилеммы,

во многом *инвариантные по отношению к уровню развития страны*, хотя, конечно же, *стратегия социально-ориентированного развития для разных типов экономик и обществ будет иметь разные формы реализации*.

Итак, даже приведенные выше краткие рефлексии по поводу книги Р.С.Гринберга показывают, что обновление проекта социально-ориентированного развития возможно, но для этого нужны новые формы демократии и новые механизмы реализации социальных принципов и приоритетов. Причем и в России то же.

Будет ли этого достаточно, для адекватного ответа на вызовы новой эпохи и разрешения современных фундаментальных противоречий? Автор рецензии в этом случае скажет «нет». Для меня и моих коллег социально и демократически ориентированное развитие – это не более, чем программа минимум на пути движения к посткапиталистическому обществу. Автор же рецензируемой книги скажет «да». И поскольку этот текст посвящен работе Р.С.Гринберга, то и закончим мы наши размышления пространной цитатой из книги этого автора, предлагающего следующее видение будущего России: «Новый тип экономической политики – леволиберальный – должен включать в себя реиндустриализацию экономики посредством промышленной политики и стратегического планирования, введение прогрессивной шкалы налогообложения личных доходов, отказ от коррупционных законов и институтов, значительные преференции для среднего класса, увеличение в 2-3 раза бюджетных расходов на образование, науку, здравоохранение и культуру, рост гражданского самосознания и возрождение местного самоуправления. Время не ждет. Во всяком случае, оно не на нашей стороне. Поэтому новая парадигма экономического развития в интересах большинства населения должна быть сформирована как можно быстрее. И это не должно смущать поборников свободы. Новый курс – нормальный исторический разворот не от либерализма, а от тех, кто дискредитировал понятие рынка и демократии либо по склонности к подражательству, либо в сугубо корыстных интересах»²⁴.

Бузгалин Александр Владимирович,
доктор экономических наук,
профессор Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова,
главный редактор журнала «Альтернативы»
buzgalin@mail.ru
(903)736-9610

²⁴ Гринберг Р.С. Свобода и справедливость. Российские соблазны ложного выбора. М., 2012. С.410.